

Д. Ф. Устинов
Воспоминания наркома вооружений

...Выяснилось, что после снятия с производства в конце июля 1940 года противотанкового ружья Н. В. Рукавишников продолжал работу над его усовершенствованием. Но последние полигонные испытания, проводившиеся 23 июня 1941 года, показали все еще значительный процент задержек при стрельбе. Требовалась дальнейшая доработка ружья.

Обо всем этом я доложил Н. А. Вознесенскому. Он попросил оказать Рукавишникову необходимую помощь, чтобы ускорить завершение работ. А вскоре о противотанковом ружье заговорил Сталин. Случилось это в начале июля, после одного из заседаний Государственного Комитета Оборона.

— Тимошенко и Кулик, — сказал Сталин, — обратились с просьбой срочно начать массовый выпуск противотанкового ружья Рукавишникова. — По тому, какой тяжелый взгляд был брошен в мою сторону, чувствовалось, как он сильно раздражен. — Наши бойцы геройски дерутся с фашистскими танками, — продолжал Сталин, — применяя бутылки с горючей смесью и гранаты. Они вынуждены прибегать к таким средствам. Другого оружия ближнего боя у них нет. А оно могло быть! Могло, если бы наши военные в свое время более здраво подошли к оценке противотанкового ружья. Тогда они недооценили его возможности и переоценили броневую защиту немецких танков. Но сейчас мы знаем, что броня у большинства из них не превышает сорока миллиметров. Как раз для противотанкового ружья!

Сталин помолчал, потом обратился ко мне:

— Товарищ Устинов, скажите, можно ли начать выпуск противотанкового ружья Рукавишникова, и если можно, то сколько потребуется времени для налаживания производства?

— Выпуск ружья можно начать, товарищ Сталин, — ответил я. — Но сейчас оно проходит окончательную доводку после испытаний. Одновременно ведется подготовка технической документации и рабочих чертежей для массового производства на двух заводах. На это потребуется не меньше месяца.

— Учитывая важность задачи, — сказал Сталин, — поручите еще одному, а для надежности — двум конструкторам, пусть поработают так, чтобы в самое короткое время мы имели хорошее противотанковое ружье.

Эта задача была поставлена перед конструкторами В. А. Дегтяревым и С. Г. Симоновым. Созданные ими в короткий срок — с момента получения задания и до первых пробных выстрелов прошло всего 22 дня — образцы ружей успешно выдержали полигонные испытания, о чем я и доложил в середине августа Сталину. Он слушал с большим интересом, то и дело уточнял некоторые вопросы.

— Ружье Симонова, товарищ Сталин, самозарядное, в магазине пять патронов.

— Чем же оно отличается от ружья Рукавишникова? Ведь его ПТР тоже самозарядное, под пять патронов?

— Да, товарищ Сталин. Бронепробиваемость, баллистические, весовые и габаритные характеристики обеих ружей равноценны. Но ружье Симонова проще, легко разбирается на две части и в походном положении имеет меньшие габариты по длине. Оно обладает преимуществами перед ружьем Рукавишникова в разборке и сборке, в обнаружении и устранении задержек.

— Проще — это хорошо, — заметил Сталин. — Проще — значит надежнее. На марше ружье Симонова смогут нести два солдата?

— Да, товарищ Сталин.

— Это тоже неплохо. А каковы оба эти ружья в стрельбе?

— Из того и другого сделано примерно одинаковое количество выстрелов — больше тысячи. Ружье Симонова не имело поломок, а в ружье Рукавишникова — две. Так что есть

основания считать ружье Симонова более живучим.

— Вот видите? Это — результат простоты. Она имеет немаловажное значение и в производстве, особенно массовом. Эту сторону дела вы тоже учли?

— Конечно, учли, товарищ Сталин. Число заводских деталей в ружье Симонова на треть меньше, чем в ружье Рукавишникова. На его изготовление требуется на 60 процентов меньше станко-часов и на 30 процентов — общего времени. Мы считаем целесообразным принять на вооружение противотанковое ружье Симонова и начать его массовое производство.

— Хорошо...

* * *

...В конце декабря 1942 года на заседании ГКО были рассмотрены итоги работы советской экономики в первом периоде войны. После доклада Н. А. Вознесенского поднялся Сталин.

— Кризис в состоянии народного хозяйства страны мы, можно сказать, преодолели, — сказал он. — Товарищ Вознесенский доложил, что выпуск боевой техники в Советском Союзе в настоящее время по всем показателям превосходит выпуск вооружения Германией и ее сателлитами. Но враг все еще силен. Гитлер понял, что «молниеносной войны» у него не вышло. И если после лета и осени сорок первого года он дал указание о сокращении военного производства, то теперь принимает лихорадочные меры для его расширения. Не случайно во главе военного производства поставлен Шпеер, а соответствующие органы вермахта введены в состав германского министерства вооружений и военной промышленности. Нам хорошо известно о том, что фашистское руководство перераспределяет ресурсы, проводит насильственную мобилизацию населения оккупированных стран. С весны этого года начался массовый угон в Германию наших граждан с захваченных фашистами территорий. Широко используют гитлеровцы и труд военнопленных. Все это, по существу, дармовые источники людских ресурсов. Эксплуатируют их как рабов, хуже рабов.

Сталин помолчал, оглядел нас пристально и неторопливо.

— В результате производство вооружения в фашистском блоке стало нарастать. В частности, по сравнению с сорок первым годом на сегодняшний день выпущено самолетов и танков примерно наполовину больше, орудий калибра 75 мм и выше — в 1,8 раза, минометов — в два с лишним раза. Противник, безусловно, попытается вновь захватить стратегическую инициативу. Допустить этого мы не можем.

Обращаясь к Вознесенскому, Сталин продолжал:

— Госплану надо тщательно взвесить и учесть все наши резервы. Возможности наращивания производства за счет перераспределения материальных ресурсов и рабочей силы мы, по существу, уже исчерпали. Значит, дальнейший рост должен быть обеспечен за счет внутренних возможностей каждой отрасли промышленности.

Выйдя из-за стола, Сталин прошелся по кабинету, остановился у карты и, скользнув по ней взглядом, продолжал вдруг сразу как-то осевшим, глухим голосом:

— Создается впечатление, что мы еще длительное время будем воевать с Германией один на один. Союзники не торопятся с открытием второго фронта, так что рассчитывать надо только на себя.

* * *

Во второй половине декабря 1943 года И. В. Сталин вызвал в Кремль Малышева, Ванникова, Федоренко и меня. Поздоровавшись с нами, он указал на стулья, стоявшие у длинного стола. После того как мы разместились, Сталин высказал неудовлетворение ходом разработки и установки на танк Т-34 85-мм пушки. Мы и сами знали, что дела здесь

идут неважно. И тем не менее резкая оценка, которую давал им Сталин, была для нас крайне неприятной.

Естественно, слова здесь были бесполезны. Нужен был результат, и результат быстрый. А его пока не было. Ни один из разрабатываемых конструкторскими бюро образцов 85-мм орудия не мог быть запущен в производство без серьезных конструкторских доработок. Это было хорошо известно всем присутствующим, и мы сидели молча.

Вопросы нам И. В. Сталин не задавал.

Пройдя несколько раз по кабинету, он подошел к своему столу, взял с него какие-то листы и, повернувшись к нам, стал их читать вслух. Это оказалось письмо командира одной из дивизий действующей армии. И. В. Сталин особо выделил из этого письма то место, где сообщалось, что установленные на танках 45-мм и даже 76-мм пушки не эффективны для борьбы с танками противника, особенно с последними модификациями «тигров». «Тигры» практически нельзя бить в лоб, — писал комдив. — Приходится или пропускать их через себя и стрелять в корму, или вести огонь по танкам противника,двигающимся на соседей, то есть по борту. На танк Т-34 нужна более мощная пушка».

Следует отметить, что Сталин всегда внимательно относился к просьбам с фронта и принимал самые решительные меры по их удовлетворению. И на этот раз, закончив читать письмо, коротко бросил:

— 85-мм пушка должна быть установлена на танк Т-34. С начала следующего года надо выпускать его только с этой пушкой!

Задача предельно ясна. Надо ее выполнять. Мы поднялись.

Сталин еще раз прошелся по кабинету и сказал:

— Отправляйтесь немедленно на завод. Для вас на Ярославском вокзале заказан вагон. Он будет прицеплен к очередному отходящему поезду. Не теряйте времени.

Мы вышли из кабинета.

До Нового года оставалось менее недели. А надо было решить множество инженерно-конструкторских и организационно-технологических проблем, причем решить быстро.

В поезде почти не спали. Подробно обсудили план работы. Решили: сначала к Еляну.

Утром на заводе встретили нас Елян с главным технологом Гордеевым. На наш вопрос о делах ответили, что в целом они идут нормально. Однако Елян, выбрав момент, шепнул мне на ухо:

— Плохо дело, опять разорвало казенник.

Речь шла именно о той пушке, по поводу которой состоялся наш вызов в Кремль, к Сталину.

Стало ясно, что вместе нам здесь делать пока нечего. Я предложил, чтобы Малышев, Ванников и Федоренко ехали на танковый завод. Мне же целесообразно остаться у Еяна. На том и порешили.

У Еяна я спросил:

— Есть ли заготовки для новых казенников?

— Да, есть.

— Подберите бригаду слесарей, фрезеровщиков, токарей, пусть немедленно приступают к изготовлению. Работать посменно. К утру следующего дня сделать хотя бы один казенник и начать испытания!

Вместе с тем нужно было внимательно разобраться в причинах неудач. Беседовал с конструкторами, испытателями, просмотрел лабораторные анализы поломок. Несколько раз бывал в цехе, где развернулась работа по изготовлению заготовок.

Торопить людей не требовалось. Все работали с полной отдачей сил. И все же казалось, что мое присутствие как-то ускоряет работу.

Утром, на следующие сутки после приезда, звоню из гостиницы, хотя уехал с завода лишь на рассвете, буквально два часа назад:

— Как дела?

Ответил Елян:

— Сделано два выстрела из новой пушки. Поломок пока нет.

— Продолжайте испытания. Я сейчас буду.

Источник: Устинов Д. Ф. Во имя победы. Записки наркома вооружения. М., 1988. С. 170–171, 197–198, 247–249.